

НЕУТОМИМОСТЬ.

НЕУТОМИМОСТЬ.

Быль въ концѣ нежаркаго лѣта день праздничный, теплый, слегка туманный. Туманъ, пронзанный горьковатымъ запахомъ гари, стоялъ уже пятый день. Сегодня онъ разсѣивался небо сверху свѣтло голубило и призрачныя очертанія высокихъ тучъ ужасно рѣдѣли на немъ. Подъ пеленою рѣдкаго тумана поля, вѣдѣ не показывавшія деревья и словно недвижная рѣка, уединенно голубая, казались легкими и блаженными. Если задуматься замечаться, забыть, то можно было вообразить себя перенесеннымъ въ обители блаженныхъ душъ. Къ тому же и людей не было видно. Надъ рѣкою недавно пронеслись свистки двухъ трехъ пароходовъ, а теперь широкая грудь ея звучно дышала легкими отголосками прибрежной тишины.

Прислонясь спиною къ березѣ на высокомъ берегу, на мшистой землѣ сидѣлъ мальчикъ смуглый, загорѣлый, босоногий, въ короткой свѣтлой одеждѣ. По лицу ему можно было дать пятнадцать лѣтъ, да стоило ему

и на самомъ дѣлѣ было. Онъ жадно читалъ книгу, быстро передѣлывая страницы нерѣдко возвращаясь къ прочитанному. Тогда онъ прывадумывался на минуту, и складка умственной напряженія стѣснивала его черныя, двумя тугими дугами изогнутыя брови.

Послышался порохъ приближающихся шаговъ. Мальчикъ обернулся досадливо. Увидѣлъ подходящую дѣвочку съ кистью крупной рябины въ рукѣ, и улыбнулся радостно. Какъ всегда, съ любованіемъ смотрѣлъ онъ на свою подругу, и ему было пріятно, что она веселая, красивая и стройная. Въ красномъ сарафанчикѣ, босикомъ. Только годомъ моложе его, и очень дружна съ нимъ.

Подговорались. Мальчикъ увидѣлъ на ея загорѣлой ногѣ обхватывающую подъемъ стопы неширокую бѣлую повязку. Онъ спросилъ:

— Что, Катышокъ, «порѣзала ноженьку голую»?

Катя засмѣялась. Съѣла рядомъ съ мальчикомъ и говорила:

— Вчера въ полѣ. Серпомъ неловко махнула. Хочешь рябины? Она уже вкусная. Нарочно для тебя сорвала.

— Спасибо, Катышокъ. Косоланые мы съ тобою, Катышокъ, неловкіе пока. А туда же помогать пошли. Ну да ничего, въ будущемъ году, пожалуй, у насъ дѣло лучше пойдетъ.

Катя прислонилась плечомъ къ его плечу, и сказала:

— Я, Лаврикъ, и этимъ дѣломъ очень довольна.

— Оно лучше прошлаго?—спросилъ Лаврентій.

— О, да! — съ убѣжденіемъ отвѣчала Катя. — Я и представить не могла, что это—такъ трудно, тяжело до изнеможенія и въ то же время такъ радостно.

Лаврентій улыбаясь смотрѣлъ на нее, и говорилъ:

— Пятьдесят лѣтъ тому назадъ сюда къ рѣкѣ выходилъ паренекъ въ родѣ меня, и горланялъ звонко:

Во полѣ твѣточки
Расцвѣтали,
Во лугахъ дѣвочки
Гуливали.

— А тысячу лѣтъ назадъ только волки здѣсь рыскали, да лѣсъ дремучій пугмѣль. Отъ лѣта къ лѣту на землѣ все становится лучше, отъ вѣка къ вѣку. Сама природа учится у насъ, и теперь она тоньше, духовнѣе, больше знаетъ и благосклоннѣе къ намъ, чѣмъ тогда когда на землѣ жилъ нашъ человѣкоподобный предокъ.

Катя улыбнулась. Покачала головою. Сказала:

— Расхвастался ты что-то ужъ очень Лаврикъ. Развѣ мы лучше нашихъ отцовъ?

— Не лучше, а счастливѣе,—уверенно сказала Лаврентій,—удачливѣе.

— Послушала маму,—говорила Катя,—мы гораздо поплоче. Очень по землѣ ходимъ вверхъ не полетимъ.

Лаврикъ вслыхнулъ. Заговорать горячо:

— Ну, да, знаю. Это наши старшие братья и сестры много лишняго наболтали. Насчетъ своей практичности, своей близости къ жизни, своего отвращенія къ всему неясному. Но это не то, совсѣмъ не то. Между нами есть всякіе, по-разному смотрящіе на жизнь. Но главное у насъ то, что мы просто удачливѣе вышли.

Дѣти часто бесѣдовали на такія темы. Они сходились часто и зимою, и лѣтомъ. Жили рядомъ и въ городѣ и здѣсь на дачѣ. Родители были дружны. А мальчикъ и дѣвочка почему-то были уверены, что они такъ и родились другъ для друга, и любили одинъ другого чистою и тихою любовью. Настроения у нихъ были добрыя и спо-

войны, хотя грозовой годъ коснулся ихъ семей опалю-щимъ дыханьемъ: Катинъ отецъ артиллерійскій прапор-щикъ запаса, былъ раненъ и ваять въ плъчѣ; отецъ Ла-вренція, пѣхотный капитанъ, долго лежалъ въ лазаретѣ, гдѣ ему отрѣзали правую ногу до колѣна. Искусствен-ная нога была сдѣлана очень хорошо; Алексѣя Николае-вича отпустили домой, въ отставку. Здѣсь онъ учился все лѣто владѣть ногою, хотя до послѣднихъ дней не рѣ-шался расстаться съ костылемъ и не столько потому, что нога служила плохо, сколько потому, что еще чувство-вала себя пермяно не окрѣпшимъ послѣ чудовищныхъ по-трясеній войны.

— Вотъ хоть бы те взять,—сказалъ Лавренцій еще болѣе краснѣя и волнуясь,—какъ наши отцы были не тверды и не увѣрены въ своей любви.

Катя опустила глаза. Она знала, что у ея отца есть дѣти отъ другой женщины. Знала и то, что Людмила Павловна, мать Лавренція, вышла за Алексѣя Николае-вича послѣ того, какъ развелась съ своимъ прежнимъ мужемъ. Да она знала, что родители ихъ измѣнчивы и въ чувствахъ, и въ мнѣніяхъ своихъ.

— А мы?—тихо спросила она.

— А мы не разлюбимъ, не измѣнимъ, и ты сама это знаешь,—увѣренно сказалъ Лавренцій.

Катя подняла глаза—и глаза ихъ встрѣтились. Съ минуту они смотрѣли другъ на друга, точно въ роковомъ поединкѣ скрестивъ испытующе взоры. И потомъ они разомъ вдругъ улыбнулись увѣренно и нѣжно. Острая сладость пронизала сердца ихъ, и они поняли еще разъ, что ихъ двѣ жизни сплетены навѣки. Такъ радостно бы-ло имъ ощутить въ себѣ вѣрное бѣніе мужественныхъ сердець, готовыхъ отвѣтить на всякій зовъ быстропроно-сящейся жизни.

Легкія тѣни призрачно легли на высокій берегъ, на влажную траву, и заблестали радостныя росинки, точно по зарѣ утромъ. На небѣ, сквозь мгlistый туманъ пламени, неяркое но еще высокое стояло солнце. Благостно глядя въ смѣющіеся глаза дѣтей, не ослѣпляя поднятыхъ къ нему дѣтскихъ взоровъ. Было все вокругъ благостно, тихо и чисто, какъ въ обители блаженнѣхъ. И съ простодушнымъ восторгомъ смотрѣла Катя на своего друга.

Послышались невдалеку звуки домашняго колокола. Лаврикъ хмуро улыбнулся, и въ голосъ его слышались отгѣвкомъ досады, когда онъ говорилъ:

— Зовутъ обѣдать. Сядемъ за егору, Даша и Иади будутъ намъ служить и будутъ господа и рабы, и никому это не странно.

— Не господа и рабы, а богатые и бѣдные, — сказала Катя.

— Въ совершенномъ обществѣ такъ не чудятъ, — сказалъ Лаврентій. — Только совершенныя могутъ быть богаты, а люди всѣ до одного должны жить въ радостной, безпечной нищетѣ. Въ парадныхъ дворцахъ будетъ блескъ, великолѣпие и веселье, и въ таинствѣ дождя уютъ поной простота.

— Теперь не такъ, — сказала Катя.

— Мы, Катя, все это перемѣнимъ, когда будемъ хозяйками въ нашемъ дому.

Катя улыбалась, и молча смотрѣла на него. Лаврикъ подумалъ вдругъ, что еще не скоро имъ быть хозяйками въ ихъ дому. Ну, что же! — подумалъ онъ — подождемъ, вѣдь не мы домъ строили.

— Научимся, построимъ новый, — сказала онъ вслухъ.

Катя понимала. Не первый разъ о домѣ своемъ говорили они — о недостроенной хранилѣ русскаго бытѣ.

— Къ намъ вечеромъ придете?—спросила она.
— Да. Сегодня весь день дома, завтра опять въ поле.
— И отчего это такой туманъ?—досадливо спросила Катя.

Лаврентій засмѣялся.

— Я читалъ въ здѣшней газеткѣ,—это оттого, что въ Сибири тайга горитъ.

— Ну? такъ далеко приколъ? — съ удивленіемъ спросила Катя.

— Можетъ быть и правда—говорилъ Лаврентій.— На землѣ все связано одно съ другимъ. Здѣшние мужики говорятъ, что тамъ, гдѣ-то за Волгой, торфяныя болота горятъ. А мыѣ знаешь, Катышокъ, нравится этотъ туманъ. Такъ сивозъ него все красиво, какъ во снѣ праздничномъ. Словно что-то лучше жизни.

— Лучше жизни нѣтъ ничего.—съ убѣжденіемъ сказала Катя.

Лаврентій посмотрѣлъ на нее строго. Она повела тонкимъ плечикомъ, и сказала:

— Если понадобится, я отдамъ жизнь за другихъ. Скупиться не стану, но все-таки это самое лучшее, что у насъ есть.

По узкой тропкѣ поднимались они на дорогу, и разошлись каждый къ себѣ.

Лаврикъ поднялся на террасу, гдѣ обѣдали. Отецъ въ сѣро-зеленомъ кителѣ стоялъ въ дверяхъ изъ гостиной, прислонясь къ косяку двери, и улыбался. Отъ улыбки его суровое, исхудалое лицо совсѣмъ перемѣнялось и казалось добрымъ, простымъ и такимъ красивымъ, что становилось понятно, какъ въ этого человѣка должны были влюбляться женщины.

— Гдѣ же твой костыль?—опасливо спросилъ Лаврикъ.

— Да что, братъ, костыль, — дома остался. Учусь пользоваться искусственною ногою. Ничего, кожу понемногу. Отдохнуть нервы стали покрѣиче, и уже не тянетъ каждую минуту, какъ прежде, за костыль хвататься, чтобы не упасть.

Говоря это, Алексѣй Николаевичъ почти совсѣмъ равно подошелъ къ столу, и сѣлъ рядомъ съ женою. Людмила Павловна была, очевидно, озабочена чѣмъ-то, и лицо ея подъ легкимъ сѣвернымъ загаромъ показало Лаврентію поблѣднѣвшимъ и осунувшимся. Она смотрѣла на мужа съ неопредѣленнымъ выраженіемъ. Лаврикъ удивился, хотѣлъ что-то спросить но удержался. Мать слегка вздохнула, окинула Лаврентія привычно-внимательными, привычно-заботливыми глазами, и замѣтивъ въ его рукахъ, вмѣстѣ съ книгою, полуосипавшую вѣтку рябины, спросила:

— Съ Катею былъ?

— Да, мамочка.

Отецъ былъ оживленъ, неспокоенъ. Ему хотѣлось говорить, спорить. Онъ сказалъ женѣ, указывая на Лаврентія:

— Ты знаешь? Онъ тебѣ развивалъ свои теоріи? Какъ же у него уже есть своя собственная теорія насчетъ новаго поколѣнія. Онъ уже на насъ нѣмного свыбска смотритъ.

Лаврентій слегка покраснѣлъ.

— Избави Богъ, папочка. Вы — герои.

— Да, да, герои, но... Гдѣ твое но? — съ легкою насмѣшливостью говорилъ отецъ. — Вотъ въ этомъ твоёмъ но и заключается вся соль. Ну, говори, говори, сбѣснись нечего.

Лаврентій легонько пожалъ плечами, и говорилъ:

— Вы — герои, но не возни. Вы способны на такое

подвиги, которыхъ устращивались бы славнѣйшіе герои древности, но все же вы слишкомъ герои. Вы годитесь для подвиговъ, для самопожертвованія, ваша цѣль — слава, и вы если побѣдите, то случайно. А вотъ мы будемъ воинами. Не героями, а машинами для побѣды. И насъ никто не побѣдитъ. Нами Россія будетъ сильна и непобѣдима. И намъ никто не измѣнитъ—мы доглядимъ.

Алексѣй Николаевичъ засмѣялся.

— Какая великолѣпная самоувѣренность! Ну, а что ты сдѣлаешь если тебѣ твоя Катя измѣнитъ?

Лаврикъ самоувѣренно улыбнулся.

— Я знаю, что этого не будетъ,—спокойно сказалъ онъ.—Вѣдь мы не потому будемъ другъ другу вѣрны, что я очарованъ ею, а она мною.

Людмила Павловна спросила досадливо:

— Любовь безъ очарованія? Это что же такое?

— Чистая любовь,—опять легко вспыхивая, сказалъ Лаврентій.—У насъ все будетъ безъ печалей: нравственность безъ угрозы, долгъ безъ принужденія, любовь безъ безумства.

— Вино безъ алкоголя?—спросилъ отецъ.

— Опьяняться не будемъ,—отвѣчалъ Лаврентій.— Просто и вѣрно проживемъ. Катышокъ для меня, а для нея,—иного намъ не нужно. Влюбляться въ красавицъ и въ красавцевъ не станемъ. Красоты намъ не надобно.

Отецъ вздохнулъ. Сказалъ:

— Что будетъ, этого никто не знаетъ. Намъ достаточно знать, чего мы сами хотимъ. Вотъ мнѣ отняли ногу, поставили искусственную, но я хочу ходить, и хожу. Хочу воевать, и буду. Если хочу, значить, и могу. Долгъ безъ принужденія—это, Лаврикъ, не выше изобрѣтеніе; этому вы у насъ научились.

Мать съ укоромъ посмотрѣла на Лаврика. Онъ покраснѣлъ и опустилъ глаза въ тарелку.

Туманъ надъ рѣкою становился гуще. По рѣкѣ бѣжалъ пароходъ, большой пассажирскій, тяжело и равномерно дыша стальными легкими своей машины, сверкая веселыми огнями. Когда онъ прошелъ гѣни въ саду точно еще болѣе сгустились, и вдругъ на бѣлые стволы березъ упали мелькающіе багровые отбѣты. Горничная Даша воскликнула:

— Батюшки, да никакъ это горитъ гдѣ-то!

И въ эту же минуту загудѣли тревожные звуки набата въ ближней церкви.

Лаврикъ выскочить изъ-за стола, и съ легкостью либего проворнаго звѣрька бросился въ свою комнату одѣваться. Черезъ минуту онъ уже выбѣжалъ опять на террасу, на ходу поправляя завернувшійся неловко подъ правымъ коленнымъ сѣрый чулокъ.

— Уже готовъ?—спросилъ Алексѣй Николаевичъ.

— Всегда готовъ!—крикнулъ Лаврикъ.

Онъ бѣжалъ по боковымъ дорожкамъ къ дорогѣ въ село.

— Всегда готовъ,—тихо повторилъ отецъ.

Онъ подвинулся къ женѣ, взялъ ея руку, пожалъ крѣпко. Людмила Павловна молча, сдержанно улыбаясь, глядѣла на него. Плечи ея слегка дрожали.

— Тебѣ холодно Людмила?—спросилъ онъ тихо.

— Нѣтъ,—такъ же тихо отвѣтила она.

Помолчали. И опять тихо заговорилъ офицеръ съ суровымъ, загорѣлымъ лицомъ:

— Что жъ Людмила, нога служить очень хорошо. Я думаю, меня возьмутъ. Куда-нибудь пригложусь. А Людмила, что скажешь? Отпустишь меня?

Она нагнулась, заплакала. Потомъ посмотрѣла на

мужа. Отрадание было на лицѣ ея, но лицо ея было свѣтлое. Алексѣй Николаевичъ обнялъ ее за плечи, привлекая къ себѣ, и глядѣть на нее сурово и нѣжно.

— Когда же это кончится, Алексѣй?—сказала она.— Но ты не думай, я не рошщу. Боже мой, если такъ надо,— что же я? Вѣдь я такая же, какъ и всѣ эти миллионы солдатскихъ и офицерскихъ женъ. Отъ Бога, отъ людей, отъ родины мы взяли долю счастья, намъ надо брать и долю печали и трудовъ.

— Надо, Людмила, надо,—съ суровою нѣжностью говорилъ Алексѣй Николаевичъ, тихонько поглаживая жену по спинѣ.— Потерпимъ до конца. Людмила, чтобы нашимъ дѣтямъ было легче.

— Алексѣй—спросила она, глядя на мужа усталыми, печальными глазами,—можетъ быть, нашимъ дѣтямъ будетъ еще труднѣе?

— Можетъ быть, Людмила—спокойно отвѣтилъ онъ.— Потому-то мы и должны воспитывать ихъ такъ, чтобы имъ всякая тяжесть жизни была въ подъемъ.